

Гер.—Герасимов М. К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 87. № 3; Даль—Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4; Дабр.—Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914; Мірт.—Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929; Нас.—Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983; Асав.—Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969; Раман.—Романов Е. Р. Белорусский сборник. Киев, 1886. Т. 1; СНРГ—Словарь русских народных говоров. Л., 1966—1977. Вып. I—XVII; СПГ—Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979—1986. Т. 1—5; Тур.—Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982—1987. Т. 1—5; ЭСБ—Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978—1989. Т. 1—5.

М. Ф. КУНТЫШ

О НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Персонаж объединяет в себе многие сюжетно-фабульные ходы, некоторые из них существуют именно и только для него. Являясь элементом художественной структуры, литературный персонаж участвует в текстообразовании произведения. Обозначения персонажей, образуя длинные цепочки повторов, обеспечивают связность текста и представляют тему повествования. Проанализируем особенности обозначений персонажей в десяти рассказах А. П. Чехова 1887—1899 годов¹.

Обозначение персонажа через имя собственное, как правило, стилистически нейтрально в художественном контексте. Это могут быть номинации по фамилии, имени, отчеству, прозвищу, уменьшительно-ласкательному имени. В качестве обозначений персонажа выступают и имена нарицательные. В рассказах встречаются, во-первых, номинации по полу (и наиболее общее обозначение через существительное «человек»), конкретизируемые относящимися к ним определениями, дающими читателю представление о внешности и душевных качествах персонажа; во-вторых, относительные обозначения: по родству и по взаимоотношениям с героями произведения; в-третьих, разнообразные номинации по роду занятий, возрасту, особенностям внешности, по выполняемой в данный момент функции. Еще одну группу номинаций составляют существительные с оценочной семантикой.

«Существенную роль играет выявление выбора автором субъектных форм речи, т. е. носителей, что определяется, в конечном счете, его позицией, идейным замыслом произведения. Субъект речи может быть не назван, «растворен» в тексте как повествователь — выразитель авторской позиции, или, наоборот, выдвинут, как рассказчик, который становится в сказовом повествовании не только субъектом, но и объектом речи»².

По способу повествования анализируемые рассказы распределяются таким образом: шесть из них являются повествованием от третьего лица, рассказы «Красавицы» и «Страх» являются повествованием от первого лица, «Человек в футляре» и «О любви» представляют собой по композиции «рассказ в рассказе». Можно говорить о двух рассказчиках в произведениях этого типа. Общую экспозицию дает повествователь, потом вступает основной рассказчик, авторское повествование обрамляет рассказ героя. Рассмотрим особенности в обозначениях героев-рассказчиков.

Отмечается большая роль местоимений первого лица как основного средства обозначения героя-рассказчика (нужно учесть и совместные обозначения героя-рассказчика и других персонажей через местоимение первого лица множественного числа). В то же время нельзя обойти молчанием тот факт, что роль местоимений первого лица в тексте находится в прямой зависимости от функции героя-рассказчика в произведении. Так, в рассказах «Красавицы» и «О любви» рассказчик является цент-

ральным персонажем, в рассказе «Страх» — одним из основных действующих лиц. Естественно, что по количеству упоминаний эти герои-рассказчики превосходят других персонажей. В рассказе же «Человек в футляре» функция рассказчика ограничивается фактически лишь функцией изложения и оценки истории Беликова, поэтому, конечно, упоминаний рассказчика в тексте относительно немного.

Несколько слов нужно сказать о вариативности лексически полных номинаций рассказчиков. Можно предположить, что количество таких номинаций тоже будет зависеть от функций героя-рассказчика, но прямой зависимости здесь нет. Так, наибольшее количество вариантов в обозначениях рассказчика, являющегося и главным героем, наблюдается в рассказе «О любви» (что и ожидалось). Что же касается рассказов «Красавицы» и «Страх», то предположение о том, что вариативность номинаций рассказчиков будет примерно одинаковой (одинакова фактически роль героев-рассказчиков), не находит подтверждения. В рассказе «Красавицы» лишь дважды встретились лексически полные номинации рассказчика (будучи гимназистом, будучи студентом). Обратившись к содержанию произведения, находим объяснение этому в некоторой пассивности героя-«наблюдателя». Наличие номинаций героев-рассказчиков в произведениях, представляющих собой «рассказ в рассказе», вызвано тем, что репрезентацию их осуществляет повествователь.

В шести из рассматриваемых рассказов повествование ведется от третьего лица. Особенность всех этих рассказов состоит в том, что в них ощущается два плана, два угла зрения: автора, непосредственно не выраженный, и персонажа. Изображение действительности через восприятие героя — один из основных принципов поэтики Чехова. Таким образом, можно говорить о существовании в произведениях двух рассказчиков: автора-повествователя и «скрытого» рассказчика — персонажа, чьими глазами видит читатель описываемое в рассказе. Основным средством обозначения «скрытого» рассказчика является местоимение третьего лица.

Еще одна характерная особенность этих рассказов состоит в том, что количество упоминаний героев — «скрытых» рассказчиков, являющихся одним из основных действующих лиц произведения, превосходит количество упоминаний других персонажей. Как отмечает Т. И. Сильман, необходимость сохранения одного и того же действующего персонажа и его точки зрения на окружающее приводит к наиболее частому употреблению лексических повторов имени персонажа или его субститута³.

Что касается лексически полных номинаций, то обозначения «скрытого» рассказчика представлены, главным образом, обозначениями автора-повествователя в рассказах «Верочка» и «Пари», а в других рассказах субъектами номинаций передко оказываются и персонажи. В двух названных рассказах отсутствуют оценочные обозначения героев, через восприятие которых передается изображаемое. В анализируемых произведениях встречаются 3—5 типов номинаций таких героев.

Необходимо отметить неодинаковую роль местоимений первого лица в обозначении «скрытых» рассказчиков в данных рассказах. Довольно велико относительное количество таких обозначений в рассказах «Верочка», «Пари», «Володя большой и Володя маленький».

По количеству совместных обозначений героев рассказы разделились на две группы. С одной стороны, ничтожно малое количество (0—2) в рассказах «Володя», «Пари», «Володя большой и Володя маленький», с другой стороны, неоднократное их появление в рассказах «Верочка», «Душечка», «Дама с собачкой». В этом, возможно, в какой-то степени находят отражение взаимоотношения героев (полная отчужденность — душевная близость).

Итак, в анализируемых рассказах, независимо от формы повествования, есть персонаж, точка зрения которого в произведении определяющая. Обозначения такого персонажа, как правило, оказываются самыми многочисленными в тексте, если он является одним из основных

действующих лиц произведения. Отмечается большая роль местоименных субститутов в обозначении этих героев. Соотносительное количество разных местоимений зависит, в первую очередь, от формы повествования. Типы лексически полных номинаций зависят от функции героя в рассказе.

Другие основные действующие лица рассказов изображены как бы под двойным углом зрения: к точке зрения автора-повествователя подключается «видение глазами» героя (рассказчика или «скрытого» рассказчика), и, как правило, оно преобладает в произведении.

Тип первичной номинации этих героев зависит от того, были ли знакомы с ними рассказчики или «скрытые» рассказчики до того времени, с которого начинается повествование. Так, знакомство героев в рассказах «Красавицы» и «Дама с собачкой» произошло на глазах читателя. Первым обозначением в этом случае оказалась номинация по полу (дама с собачкой, девушка). Обозначение же по имени в качестве первичной номинации появилось в рассказе «Красавицы» в речи второстепенного персонажа. В остальных рассматриваемых рассказах типы первичных номинаций героев разнообразны: обозначения по фамилии, по имени-отчеству, по роду занятий, относительные обозначения: по родству и по взаимоотношениям с героем-рассказчиком.

В рассказах для обозначения героев встречается от 2 до 6 типов номинаций одного героя (чаще 5—6 типов). Практически во всех произведениях встречаются оценочные обозначения основных действующих лиц. Субъектами номинаций их являются автор-повествователь и персонажи (в том числе и герой-рассказчик или «скрытый» рассказчик).

Отмечается большая роль местоименного субститута третьего лица в качестве средства обозначения этих основных действующих лиц. Роль местоимений первого лица в обозначении этой категории героев разная в разных рассказах для разных героев. Довольно велико относительное количество таких местоименных заменителей в обозначениях юриста («Пари»), Силина («Страх»), Беликова («Человек в футляре»), являющихся центральными персонажами произведений. Прямые высказывания героев, их мысли, выраженные в форме прямой речи,— источник, по которому читатель может судить непосредственно о характере героя и особенностях его образа жизни.

Своеобразие произведения во многом определяется и тем, какое место занимают в его сюжете и композиции второстепенные герои. В произведениях А. П. Чехова часто сопоставляются основные действующие лица и второстепенные персонажи. По этому поводу М. В. Кузнецова пишет: «Характерна и система образов, суть которой состоит в том, что один герой как бы «договаривает» то, что совсем не сказано или сказано лишь частично о другом. Художественный образ, возникающий «параллельно» и ассоциативно с другим, поясняет этот другой и вместе с тем поясняется им... В повествовании о судьбах героев имеется параллелизм, который не только создает определенный «настрой» у читателя, но еще и служит цели обобщения изображаемого»⁴. В произведениях подчеркивается субъективность осознания сходства героев тем персонажем, через призму восприятия которого подаются события рассказа. Некоторая аналогия в судьбах второстепенных персонажей и основных действующих лиц находит выражение и в лексической стороне текста (прямые сравнения, значимый выбор автором одних и тех же лексических единиц). Проиллюстрируем это положение примерами.

Одно и то же душевное состояние испытывает Огнев («Верочка») при прощании с Кузнецовым и Верочкой: «Тем же певучим семинарским голосом, каким он беседовал со стариком, так же моргая и подергивая плечами, стал он благодарить Веру за гостеприимство, ласки и радушие». Одинаково окрашенные чувства испытывают при созерцании женской красоты герой-рассказчик и второстепенные персонажи из рассказа «Красавицы». Герой-рассказчик («Страх»), сопоставляя две, на первый взгляд, непохожие судьбы Силина и Сорока Мучеников, приходит к вы-

воду, что у обоих «несчастливая, горькая жизнь». Судьбы Оли и Риты («Володя большой и Володя маленький») имеют своеобразную переключку с судьбой Софьи Львовны: «для девушек и женщин ее круга нет другого выхода, как не переставая кататься на тройках и лгать или же идти в монастырь, убивать плоть»; «страшно было оставаться в старых девах, как Рита». В рассказе «Человек в футляре» после фразы Буркина «...такие люди, как Мавра, явление не редкое» излагается история жизни Беликова. Задумываясь над тайной рождения любви, Алехин («О любви») сопоставляет Никанора и Пелагею, с одной стороны, и Лугановичей, с другой: «...почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого... а полюбила именно Никанора...», «...почему она (Анна Алексеевна — М. К.) встретила именно ему (Лугановичу — М. К.)...»

Разнообразны типы номинаций второстепенных персонажей. Это могут быть имена собственные (фамилия, имя, отчество, прозвище), обозначения по полу, возрасту, роду деятельности, а также относительные (по родству), функциональные и оценочные обозначения и наиболее общее обозначение через существительное «человек» с определениями. У таких персонажей в рассматриваемых рассказах разное количество различных лексически полных номинаций (1—8). Оценочные обозначения встречаются у второстепенных персонажей рассказов «Верочка», «Страх», «О любви», «Дама с собачкой». Субъектами номинаций второстепенных героев являются автор-повествователь и персонажи рассказов.

Нужно отметить и наличие собирательных образов, которые не являются основными действующими лицами в произведениях. Это Шумихины («Володя»), большинство гулявших пассажиров («Красавицы»), гости и люди («Пари»), учителя гимназии («Человек в футляре»), женщины («Дама с собачкой»). В качестве местоименного субститута имени собственного или иного лексически полного обозначения второстепенного персонажа здесь часто выступает местоимение третьего лица.

Отметим некоторые общие особенности всех персонажей рассматриваемых рассказов А. П. Чехова. В них выявляется 2—3 основных действующих лица. Некоторым исключением является рассказ «Душечка». Но и в нем одновременно действуют лишь два героя, четыре «предмета любви» Оленьки сменяют друг друга на протяжении рассказа. Именно столь малое, ограниченное число героев позволяет широко использовать местоимение третьего лица для их обозначения.

Среди главных героев выделяется центральный персонаж. А. П. Чехов писал А. С. Суворину 27 октября 1888 года: «Поневоле, делая рассказ, хлопчешь прежде всего о его рамках: из массы героев и полугероев берешь только одно лицо — жену или мужа, — кладешь это лицо на фон и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальных разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получается нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг нее масса очень маленьких звезд»⁵. В рассказах «Пари», «Страх» и «Человек в футляре» центральный персонаж не является рассказчиком или тем героем, через призму восприятия которого даются события произведения. В остальных рассматриваемых рассказах у центрального персонажа есть и функция рассказчика. По количеству упоминаний в тексте, естественно, этот персонаж превосходит других. Отмечается довольно большое количество употреблений в качестве обозначений центрального персонажа местоимения первого лица.

При представлении героев читателю часто используется сразу несколько номинаций (2—5) разных типов, дающих более конкретное представление о человеке. Например, Кузнецов («Верочка») обозначается при репрезентации (в пределах одного предложения текста) по функции (хозяин), по фамилии (Кузнецов), по возрасту (старик); Смирнин («Душечка») — по роду деятельности (врач), по фамилии (Смирнин), по возрасту (молодой человек).

Вариативность лексически полных номинаций разных героев колеб-

лется в довольно широких пределах: от одного до девяти разных обозначений у одного героя. Количество вариантов в обозначениях главных и второстепенных героев отличается очень незначительно.

В обозначениях героев по количеству лексически полные номинации уступают местоименным субститутам. Личные местоимения активно участвуют в формировании отношения замещения в тексте.

Таким образом, среди обозначений героев в рассказах А. П. Чехова встречаются различные лексически полные номинации и их местоименные субституты, выбор данного конкретного обозначения в тексте всегда значим.

¹ См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1982. Т. 6—10.

² Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. М., 1988. С. 28.

³ См.: Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 210.

⁴ Кузнецова М. В. Творческая эволюция А. П. Чехова. Томск, 1978. С. 109.

⁵ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 147.

НГУЕН ТЫ ШОН

РУССКАЯ ЛЕКСИКА ВО ВЬЕТНАМСКИХ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТАХ

В словарном составе каждого языка имеются два основных пласта: слова исконные и заимствованные. Обогащение словарного состава вьетнамского языка русскими словами является следствием взаимодействия вьетнамского и советского народов на основе политических, экономических и культурных отношений. Эти слова обозначают такие вещи, понятия, которые или являются новыми для вьетнамских читателей, или называют специальные предметы и явления советской действительности, отсутствующие на вьетнамской почве.

По семантике русская лексика во вьетнамском языке разнообразна. С точки зрения предметности она разделяется на три основные группы. 1) Слова, обозначающие этнографические реалии. Сюда входят названия русской национальной одежды (шуба, сарафан), обуви (калоши, ботинки), головных уборов (кокошник); названия национальных блюд, напитков (борщ, квас); названия лиц по социальному положению и занимаемой должности (кулак, староста); названия национальных танцев, игр (хоровод, городки); названия фольклорных и литературных жанров (былина, повесть); названия мер веса, длины, площади, объема (пуд, аршин, десятина, берковец) и так далее. 2) Слова, обозначающие географические реалии. Это названия природных явлений (роса, мгла), животных, птиц, насекомых (лайка, жучок), растений (тополь, сирень). 3) Слова, обозначающие общественно-политические реалии (совет, перестройка, коммунизм).

Большинство слов-русизмов относится к именам существительным, выполняющим в основном номинативную функцию. Чтобы передать русскую советскую национальную специфику, ее национальный колорит, авторы, переводчики часто употребляют русские слова в непереведенной форме. Можно выделить такие способы их введения в текст. 1) Переводно-разъяснительный способ, сущность которого заключается в том, что русские слова вводятся с помощью разъяснения, следующего сразу же после русизма в виде обособленного приложения, вставных слов, словосочетаний и предложений. Например, «Mục đích tôi hướng của re-gextroika (caito) là mang lại nhiều dân chủ» (Высшая цель перестройки — дать больше демократии). Значительная часть русизмов вводится путем подстрочного перевода: введенное русское слово объясняется в скобках в конце страницы. 2) Полупереводно-разъяснительный способ: исходное значение русизма дается полностью, а часть слова (это суффиксы -ец, -ист, -изм) дается в виде перевода, в результате чего образуются сложные слова, состоящие из двух компонентов, первым из которых